

Мне тяжело слышать, что глубоко пал
Герой, который в славе пребывал,
И с облегчением, с радостью я внемлю
Тому, как наполняют славой землю,
Как низкий званием славен и велик
Стал и пребыл. Его победный клик
Бодрит мне душу и дает отраду.
Об этом и рассказывать бы надо».
Трактирщик тож: «Клянусь колоколами
Святого Павла. Ишь как перед нами
Он раззвонился: «Туча, мол, сокрыла
От них злой рок». И что еще там было
В «трагедиях» его. Да просто срам
Так плакаться и сокрушаться нам
Над тем, что уж невесть когда случилось.
И прав сэр рыцарь, сердце омрачилось,
Вас слушая. Увольте, сэр монах,
Уныние нагнали вы и страх
На всю компанию. Побойтесь бога,
Что портить вашим спутникам дорогу!
В рассказах этих нету ни красы,
Ни радости. Хотел бы попросить
Вас, сэр монах, иль как вас там, сэр Питер,
Быть веселей, как весел ваш арбитр.
Ведь если б не бренчали бубенцы
Уздечки вашей, прежде чем концы
Сведете вы трагедии с концами,
Клянусь Фомы преславными мощами,
Заснул бы я и носом прямо в грязь
Свалился бы, чего я отродясь
Не позволял себе. А для чего
Когда рассказчику и мастерство?
Клянусь я небом, правы мудрецы те,
Что заповедали нам: «Братья, бдите:
Кто не обрел внимающих ушей,
Не соберет плодов своих речей».
А я, – недаром стреляный я волк, –
В историях уж я-то знаю толк.
Что ж, сэр монах, потешьте доброхота
И расскажите вы нам про охоту».
«Ну нет, – сказал монах, – пускай другой
Вас тешит, я ж рассказ окончил свой».
Хозяин наш ругнул его в сердцах,
Крест помянул и прах его отца
И к капеллану с речью обратился:
«Друг, сделай так, чтоб дух наш ободрился.
А ну-ка, сэра Питера позли
И всю компанию развесели.
Не унывай, что под тобою кляча,
А что уродлива она – тем паче.
Везет тебя кобыла – ну и ладно,
Лишь было б только на сердце отрадно».
«Согласен, сэр. – тут капеллан сказал. –
Изволь, хозяин, чтоб ты не скучал,
Припомню сказку, но коль скучно будет,